

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

Х.Х. Малкондуев
Ф.Х. Гулиева (Занукоева)

В статье рассматривается проблема жанрового своеобразия карачаево-балкарских народных сказок, сбором и публикацией которых занималось не одно поколение исследователей, начиная с конца XIX в. В работе кратко прослеживается история фиксации, популяризации и изучения данной разновидности фольклорной прозы, отмечается, что в этом деле важную роль сыграли представители передовой русской интеллигенции Е. З. Баранов, Н. П. Тульчинский и др. Велика заслуга и венгерского ориенталиста и филолога Вильгельма Преле, который впервые записал и издал карачаево-балкарские народные сказки на родном языке. Тем не менее, подлинно научное осмысление сказочного эпоса данного этноса началось лишь со второй половины XX в., когда экспедиционная деятельность сотрудников КБНИИ и КЧНИИ позволила создать архивные фонды, а позднее появились труды А. И. Караевой, А. З. Холаева и Ф. А. Урусбиевой, заложившие основы карачаево-балкарского сказковедения. Также в исследовании, исходя из эмпирического материала, осуществляется внутржанровая классификация сказок. Наряду с традиционно выделяемыми сказками о животных, волшебными и бытовыми, в качестве самостоятельных жанровых разновидностей рассматриваются и сказки мифологические, волшебно-героические и героические. Отмечается, что большую часть текстов составляют бытовые и волшебные сказки. Должное внимание уделяется и национальному терминологическому обозначению народной сказки. При изучении композиционных особенностей рассматриваемого материала основной акцент делается на присказку, которая в карачаево-балкарской сказочной традиции, в отличие от устной словесной культуры других народов Северного Кавказа, весьма развита и носит стихотворный характер. Кроме того, в исследовании проводится сравнительный анализ ряда мотивов карачаево-балкарской народной сказки и произведений индо-иранских, тюркских, кавказских, славянских и других народов.

Ключевые слова: сказка, миф, жанр, мотив, сюжет, заимствованные элементы, национальное своеобразие.

The article considers the problem of a genre originality of Karachay-Balkarian national fairy-tales, which have been collected and published by more than one generation of researchers since the end of the 19th century. In the present work the history of recording, popularising and studying the given version of folklore prose is briefly traced, it is marked, that representatives of advanced Russian intelligentsia E. Z. Baranov, N. P. Tulchinsky, etc. played an important role in this sphere. A great contribution of the Hungarian orientalist and philologist Wilhelm Prele is highlighted, who pioneered recording and publishing of Karachay-Balkarian national fairy-tales in their native language. Still, originally scientific research of the epos of the given ethnos began only in the second half of the 20th century, when forwarding activity of the KBSRI and KChSRI staff members allowed to create archival funds, and the works of A. I. Karaeva, A. Z. Kholaev and F. A. Urusbieva later appeared, thus laying the foundations of Karachay-Balkarian fairy-tale study. Also in the research, proceeding from the national empirical material, intragenre classification is carried out. Along with traditionally reviewed fairy-tales about animals, magic and household, as independent genre versions, mythological, magic-heroic and heroic fairy-tales are also considered. It is marked, that the most part of texts is made of household and magic fairy-tales. Due attention is paid also to a national terminological designation of a folk fairy-tale. At studying composite features of considered material the basic accent is laid on an introduction, which in Karachay-Balkarian fantastic tradition, unlike

oral verbal culture of other people of North Caucasus, is very developed and has poetic character. Besides in research the comparative analysis of some motives of Karachay-Balkarian national fairy-tale and works of Indo-Iranian, Turkic, Caucasian, Slavic and other peoples is conducted.

Keywords: *fairy-tale, myth, genre, motive, plot, borrowed elements, national originality.*

Карачаево-балкарская народная сказка до настоящего времени остается одним из слабоизученных разделов в кавказоведении и фольклористике.

Первые записи и публикации текстов карачаево-балкарской народной сказки относятся ко второй половине XIX в. Их авторами были представители русской интеллигенции того периода, хорошо относившиеся и высоко оценивавшие народную духовную словесность народов Кавказа.

Одним из таких деятелей русской культуры был Е.З. Баранов, который «печатал свои записи произведений карачаево-балкарского фольклора и на страницах такого авторитетного издания, как «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В XXIII выпуске СМОМПК, например, он опубликовал девять балкарских сказок — «Всадник в шкуре жеребенка», «Трус», «Хитрый сын», «Жена охотника», «Коварная жена», «Женщина с серыми глазами», «Пасынок», «Чомарт и Момарт», «Лиса, медведь и волк» [1, 29].

Среди дореволюционных изданий карачаево-балкарского фольклора следует также особо подчеркнуть труды Н.П. Тульчинского. В 1903 г. под названием «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» в VI номере «Терского сборника» им была опубликована большая подборка фольклорных текстов различных жанров карачаево-балкарской устной словесности [2]. Эти материалы повторно были изданы в 1983 г. в книге «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» [3, 219-287], в том числе сказки «След льва», «Торжество добродетели и наказанное зло», «Преданность холопа

и неблагодарность царевича», «Добродетельная жена», записанные Н.П. Тульчинским в различных ущелиях Балкарии. Они представляют бесспорную ценность для научного исследования. Следует отметить, что хотя это и переводы, они осуществлены на высоко профессиональном уровне.

В 1909 г. известный венгерский ориенталист Вильгельм Преле опубликовал девять карачаево-балкарских народных сказок («Жанакайит улу Жан», «Айтек улу Айтек», «Потерявшийся сын хана», «Танду», «Сон», «Девять сыновей одной женщины», «Глупая мать одного юноши», «Мужчина, который имел глупую жену», «Три дочери одного человека») на языке оригинала (карачаево-балкарском) и в переводе на русский язык [3, 288-419].

В советский период сбор и публикация произведений устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, в том числе и сказочного эпоса, приобрели системный характер благодаря экспедиционной деятельности сотрудников КБНИИ и КЧИГИ. Собранные материалы позволили создать рукописный и фоноархивы на базе этих институтов, а следовательно и базу для дальнейших научных изысканий.

Тем не менее, жанр сказки все еще остается одним из слабоизученных разделов карачаево-балкарского фольклора. Различные ее аспекты исследовались в прошлом А.И. Караевой [4, 16-21], А.З. Холаевым [5, 25-28] и Ф.А. Урусбиевой [6], внесших определенный вклад в развитие национального сказковедения.

Впервые данную проблему затронула А.И. Караева в академическом издании «Очерк истории карачаевской литературы» (глава «Устное народное творчество») [4, 16-21]. Рассматривая на

конкретном материале внутрижанровые особенности карачаево-балкарской народной сказки, она выделяет цикл о животных, тесно увязывая его с мотивами сказаний о нартском эпосе. Исследователь выявляет также волшебные, бытовые, сатирические сказки, в которых доминируют восточные мотивы о смешном, коварном, безбородом проходимце Кесе и о мудром, находчивом Насреддине, а также произведения о духовенстве, в которых высмеиваются образ жизни и поведение мусульманских служителей, в частности, эфенди, нередко ведущих аморальный образ жизни.

Заслуживают внимания наблюдения автора о наличии сказочных мотивов в нартском эпосе на примере произведений «Ерюзбек» и «Бычья лопатка». Данный тезис мы бы дополнили следующими соображениями: в обоих случаях, на наш взгляд, речь идет об идее миротворчества, которая лежит в основе создания наиболее ранних фольклорно-художественных модусов, в том числе, сказочного и богатырского эпосов.

В 1981 г. под грифом КБИИФЭ выходит фундаментальное исследование «Очерки истории балкарской литературы». В этом издании автором главы «Народное устно-поэтическое творчество» выступил известный фольклорист А.З. Холаев. Ученый, характеризуя особенности народных сказок, отмечает: «Сказочный эпос балкарцев представлен разнообразными жанровыми формами: сказки о животных, бытовые, волшебнo-фантастические и авантюрно-новеллистические. Их хранителями и исполнителями были специальные рассказчики (сказочники — Х. М.) — жомакъчыла» [5, 25].

В 2010 г. карачаево-балкарское сказковедение обогатилось монографическим исследованием доктора культурологических наук Ф.А. Урусбиевой [6], посвященным, как отмечает автор, жанровой типологии национальной сказки.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обозначается видение автором проблемы жанра сказки в карачаево-балкарском фольклоре, особенность исследуемого материала и содержание глав, определяющих композицию книги.

При ознакомлении с монографией бросается в глаза нетрадиционный в фольклористике метод исследования.

Выделяя разделы сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, автор дает весьма лаконичную, но емкую характеристику их сюжетно-повествовательным особенностям. Однако некоторые выводы автора нам кажутся дискуссионными. Так, размышляя о специфике сказки-аполога (в основе которой лежит басня нравоучительного характера), для подтверждения своих мыслей о времени и характере его появления в карачаево-балкарской устной художественной словесности Ф.А. Урусбиева большей частью ограничивается умозрительным теоретизированием, не приводя убедительных фактов.

В целом монографию Ф.А. Урусбиевой мы бы отметили как положительное явление в исследовании карачаево-балкарского сказочного эпоса, поскольку ученый поднимает ряд существенных проблем, ранее не рассматривавшихся в сказковедении.

В последние годы фольклористами Х.Х. Малкондуевым [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17], Б.А. Берберовым [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24], Ф.Х. Гулиевой (Зануковой) [25; 26; 27; 28], Л.С. Гергоковой [29; 30; 31; 32; 33; 34] написан ряд статей по различным жанрам карачаево-балкарского сказковедения, которые заметно дополняют исследования по этой проблеме.

Согласно существующему национальному терминологическому обозначению, карачаево-балкарские сказки подразделяются на «эрттегили жомакъла» (старинные, видимо, волшебные), «нарт

жомакъла» (сказки о нартах), «батырлыкны юсюнден жомакъла» (героические сказки), «Насрахожаны жомакълары» (сказки о Насреддине), «сабий жомакъла» (детские сказки), «чам жомакъла» (сатирические сказка), «жаныуарланы юсюнден жомакъла» (сказки о животных) и т.д. Эти произведения богаты мотивами на тему культа, о древнейших представлениях, о природных явлениях, жизни общины, ханов, мудрецов, хитрецов, о семейно-бытовых проблемах, образе жизни семьи в ее эволюционном изменении, а также об удачливых бедняках, злой мачехе, ведьмах, несущих всегда зло.

В науке все это многообразие сказочного эпоса принято подразделять, в основном, на три группы — волшебные, бытовые и сказки о животных. Тем не менее, опираясь на опыт своих предшественников и основываясь на фольклорном материале, мы выделяем мифологические, волшебные и волшебнo-героические, собственно героические, сказки о животных и бытовые сказки.

Карачаево-балкарская народная сказка имеет традиционные ритмические клише: зачины, завязку, устойчивые инверсии, служащие вспомогательными композиционно-стилевыми позициями в передаче основного смысла текста.

Одним из древнейших жанров карачаево-балкарской устной прозы является мифологическая сказка, уходящая корнями в доклассовое общество.

На наш взгляд, в данной разновидности народной словесности наиболее древними являются повествования о природных явлениях, носящих весьма сложный, народно-философский характер. К группе сказок мифологического, этиологического содержания относятся сказки «Суу бла От» — «Вода и Огонь», «Кюн бла Ай» — «Солнце и Луна», «Ашхам жулдуз» — «Вечерняя звезда», в содержательных элементах которых кроется много интересного в подаче информации о древнем образе мышления народа.

Среди мифологических сказок большой популярностью в народе пользуется произведение «Айны бла Кюнню тутулуу» — «Затмение Луны и Солнца», строящееся на своеобразном сюжете и композиции.

В системе сказок данного жанра, для исследования представляют интерес такие произведения, как «Тейри кылыч къалай болгъанды?» — «Как появилась радуга?», «Чолпан жулдузгъа «Анасын алтын тоннга сатхан жулдуз» деп нек айтхандыла?» — «Почему звезду Чолпан (Венера) назвали «Звездой, продавшей свою мать за золотую шубу?», «Тенгиз тузлу некди?» — «Почему море соленое?» и др.

В группу сказок мифологического характера можно включить и сказки о животных, посвященные объяснению их внешних особенностей, среди которых мы бы выделили такие тексты, как «Къоянны эрини нек жырыкъ болгъанды?» — «Почему рассеклась губа у зайца?», «Къаргъа нек болгъанды къара?» — «Почему ворона стала черной?», «Макъа къуйрукъсуз нек болгъанды?» — «Почему лягушка осталась без хвоста?», «Пил узунбурун нек болгъанды?» — «Почему слон стал длинноносый?», «Маймул агъачда нек къалгъанды?» — «Почему обезьяна осталась жить в лесу?» и др., в содержание которых народ вложил свои складывавшиеся веками представления об окружающем его живом мире, особо выделяя мотивы о животных, с которыми он тесно соприкасался.

Волшебная сказка является одним из интереснейших, но до настоящего времени не раскрытых в должной мере разделов устной прозы.

В последние годы в карачаево-балкарской фольклористике наметился определенный прогресс в изучении волшебного сказочного эпоса, что подтверждается публикацией ряда статей по данной тематике [10; 12; 13; 17; 26]. Несмотря на это, в целом данная проблема остается недостаточно разработанной, не говоря

о том, что до сих пор в карачаево-балкарской фольклористике отсутствует какое-либо исследование, посвященное сюжетному указателю по системе А. Арне и С. Томпсона. Конечно же, «Выделение международных типов сказок способствовало упорядочению имеющегося материала, выявлению сходства произведений разных народов, раскрытию особенностей национальных репертуаров и специфики отдельных сказок» [35, 203]. Думаем, что это упущение в науке будет наверстано учеными в будущем.

Национальной индивидуальной особенностью карачаево-балкарской волшебной сказки является наделение сверхъестественными качествами отдельных предметов, которые нередко помогают герою выбраться из тяжелой ситуации, побеждая своих врагов. Волшебными качествами могли обладать конь и меч героя, которые являлись его надежными друзьями и спутниками, предупреждали об опасности, грозящей в пути. Мотивы, связанные с мечом, нам представляются весьма архаичной традицией, берущей начало от древнетюркской и скифской мифологической культуры. Как известно, скифы, сарматы, гунны, авары, кидани и другие племена поклонялись мечу и обожествляли его.

В системе карачаево-балкарских волшебных сказок, как искусстве слова и художественно-эстетического мышления народа, представляют определенный интерес такие произведения, как «Жарыкбий», «Киши бла сарыуек» — «Мужчина и дракон», «Къозучукъ» — «Ягненок», «Эльяс бла золоуцу» — «Эльяс и путник», «Худуйчукъ» — «Худуйчик», «Тюз етмеги тюзге жетеди» — «Праведный хлеб праведному достается», «Алтын чабакъны жомагъы» — «Сказка о золотой рыбе» и т.д., в мотивах, образной системе и сюжетно-повествовательных элементах которых наблюдается много типологических моментов.

Сказка «Мужчина и дракон» состо-

ит из нескольких мотивов, среди которых доминирующими являются следующие элементы: мужчина никак не может ужиться с ворчливой, злой женой, которая доводит его до отчаяния; чтобы избавиться от жены, он обманывает ее и приводит к озеру в скальной пещере и толкает туда; однажды, вспомнив жену, муж отправляется в то место, чтобы посмотреть на нее, и видит в озере огромного дракона, который просит помощи, чтобы покинуть эту местность и выйти на сушу, ибо в его водах откуда-то появилась женщина, от которой ему нет жизни и покоя; человек оказывает помощь рептилии и между ними зарождается дружба; оказавшись на свободе, дракон предлагает перекрыть реку, чтобы люди платили ему дань за воду; человек соглашается с условиями рептилии; это повторяется три раза; в четвертый раз, благодаря своему уму и находчивости, мужику удастся обхитрить дракона.

Нечто подобное мы наблюдаем и в мотивах русских народных сказок: «Крестьянин сталкивает свою злую жену в яму, в которой живут черти. Через некоторое время он хочет достать ее и спускает туда веревку. Вытянул веревку, а за нее уцепился чертенок: «Вынь меня мужик! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Что ни прикажешь, все буду делать!» Когда черт отказывается что-либо делать, мужик пугает его тем, что вернет в яму («Злая жена»)» [36, 175].

Вся нравственно-философская основа текста строится на раскрытии образа злой женщины, от которой нет покоя не только человеку, но и всемогущей рептилии, которую она доводит до смерти.

Язык произведения типично фольклорный, народный, существенная композиционная роль в нем отводится монологу и диалогу. В лексике человека и дракона замечаются незначительные различия, хотя язык рептилии более лиричен.

До настоящего времени в народе употребляется формула «Сарыуекни те-

шигинден къачарча этген, аны жюрегин ачытхан тиширью не да этерикди!» — «Заставившая дракона бежать из своего логова, его сердце ранившая женщина способна на все!»

Данный мотив, с незначительными изменениями бытует и в адыгской сказочной среде [37, 797]. Мы уверены, что он также широко распространен и в международном сказочном указателе.

«Сказка о золотой рыбе» типологически и по содержанию напоминает ряд произведений народной прозы германских, славянских и кавказских народов, которые соприкасались с морями, вели рыбачий образ жизни и воспевали это существо как священное. Хотя мотив в ней чисто восточный и действия происходят в одной из неизвестных морских держав, устами сказочника вполне убедительно повествуется, что в далеком прошлом тюркоязычные и арийские предки карачаево-балкарского народа соприкасались с морскими царствами Востока и Запада. Скорее всего мотив этой сказки идет из древней индийской культуры, где сюжетные элементы о Золотой рыбке были весьма развиты [38]. В кратком по объему тексте наблюдаются яркие образы и богатые по содержанию выразительные средства.

Сюжетную основу сказки «Птица с золотыми перьями» формирует конфликт между пожилыми супругами, где выводится образ алчной, деспотичной старухи и скромного, трудолюбивого старика Бийбо, из которого вытекают десятки мотивов, создающих повествовательный фон всего произведения.

Данная сказка уникальна по своим сюжетно-повествовательным, и национальным особенностям. Тем не менее, сказочники восточного культурного мира (индусы, персы, арабы) издревле создавали образ злой демонической старухи и доброго послушного старца.

Как известно, данный мотив послужил сюжетной основой и при создании

поэмы А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

Если в сказке Пушкина по велению золотой рыбки в хижине бедных рыбаков появляются роскошные дворцы и прислуга, то в карачаево-балкарской сказке птица с золотым оперением творит чудеса через художественно-предметный мир (столлик, ярочка, дубинка-самобойка). В обоих случаях вырисовывается образ добрых стариков и алчных, ненасытных старушек, страдающих по велению золотых рыбки и птицы — владык моря и орнитологического мира. Нет сомнения, что эпитет «золотой» в данном случае является привнесенным в русскую литературу из восточной словесности, т.к. он не был характерным в качестве изобразительно-эстетической формулы для славянской художественной культуры.

Героическая сказка как жанр народной прозы в карачаево-балкарской фольклористике, к сожалению, до настоящего времени не рассматривался, хотя и следует отдать должное нашим предшественникам, внесшим определенный вклад в анализ сказки как народной словесной культуры.

В кавказоведении до настоящего времени отсутствует специальная работа по данной проблеме, если не учитывать монографию молодого фольклориста М. Ф. Бухурова «Адыгская богатырская сказка» [39], которую мы бы охарактеризовали как положительное явление в изучении народной словесной прозы адыгов.

Чрезвычайно интересны в сюжетно-повествовательном плане и народные сказки «Таурух» — «Легенда», «Тазрет», «Сын Каракундета Кундет», «История Ахшы-улана», «Сын Ногай слепой Ногай-Неф» и др.

Острым остается до настоящего времени вопрос в фольклористике, является ли героическая сказка самостоятельным жанром в системе устной сказительской традиции. На наш взгляд, в будущем следует продолжить исследование данной проблемы.

Карачаево-балкарские сказки о животных имеют архаическую, традиционную присказку, тайный магический язык, что объясняется анимистическим миропредставлением и желанием предостеречь слушателя «от порчи». В частности, во вступлении (присказке) ряда сказок о животных опорными словами являются «навоз», «собака», «змея», «лягушка» и «ворон», символизирующие тайную магическую силу, которая должна оберегать слушателей от злой, нечистой силы.

Замечательными произведениями народного искусства слова и эстетического мышления этноса являются такие произведения сказочного эпоса, как «Козленок», «Старик и медведь», «Овца и коза», «Медвежонок», «Замечательный жеребенок», «Вошь и блоха», «Бычок», «Почему собаки дерутся за кость?», «Вол и собака» и т.д.

Изучение материала показало, что для названий карачаево-балкарских сказок и художественно-предметного мира весьма характерно присутствие эпитета «къара» — «черный», который является многозначным и зависит от контекста. На конкретном примере они звучат следующим образом: «Къара къуш» — «Черный орел», «Къара къаргъа» — «Черный ворон», «Къара тюлкю» — «Черная лиса», «Къара жоргъа» — «Черный иноходец», «Къара ат» — «Черная лошадь», «Къара жилиян» — «Черная змея», «Къара сыра» — «Черное пиво», «Къара бауур» — «Черная печень», «Къара кече» — «Черная ночь», «Къара от» — «Черное пламя».

Повествования о животных, которые по своим архаическим особенностям весьма близки к текстам волшебных сказок, представляют также большой интерес для исследования. Излюбленными среди них являются такие произведения, как «Къаргъа бла балалары» — «Ворона и ее птенцы», «Къозучукъ» — «Ягненок», «Тели Зондар бла амалчы тюлкю» — «Наивный Зондар и изворотливая лиса», «Къой бла эчки» — «Овца и коза»,

«Экисинден да улакъ эсли» — «Козленок умнее их двоих», «Тюлкю хыйла» — «Хитрость лисицы», «Ал-берю бла Тут-берю» — «Ал-берю и Тут-берю», «Тюлкю, айю, берю» — «Лисица, медведь и волк», «Егюз бла эшек» — «Бык и осел» и т.д.

В подобных сказках животные олицетворяют жизнь и поведение людей: бык трудолюбив; змея, как и в мифологии многих народов мира, наделяется свойствами лекаря и чрезвычайно мудра; медведь символизирует мужскую силу; орел — надежный друг, смел и отважен; осел — символ труженика; лиса коварна и хитра; волк мужественен, смел и кровожаден.

Сказки о животных представляют наиболее сложный и противоречивый раздел в системе жанра данной народной словесности, поскольку в свой содержательный материал они вбирают множество сюжетно-повествовательных элементов из других видов сказочной прозы: волшебных, героических, бытовых, мифологических и т.д.

Учеными высказан ряд интересных мыслей о сказке о животных. «Сказка считается животной, если в ней животные, подобно людям, мыслят, говорят и поступают, не вызывая этим поведением у людских персонажей рассказа, у рассказчика или слушателей ощущения чуда» [40, 359].

Покуда сказка представляет один из древнейших жанров фольклора, как традиционно принято в системе ролей ее персонажей, каждое из животных наделяется человеческими качествами: носит имя или прозвище, владеет речью и легко вступает в диалог со своим оппонентом или врагом, наделяется устойчивым характером. Как и в человеческом мире, одни выделяются мудростью и мастерством, другие коварны, жестоки и кровожадны, третьи — глупы, трусливы и наивны.

Среди текстов о животных наиболее известными и распространенными яв-

ляются произведения о змее, лисе, пернатых (орле, голубе, павлине, чибисе), медведе, дикой козе и олене, кошке и мышах, волке. Как уже отмечалось, змея наделяется качествами мудрости и способности лечить больных во всем живом мире; лиса необыкновенно хитра и лицемерна; пернатые в основном играют положительную роль в столкновении человека с жестокими врагами; медведь добродушен, но коварен, от него можно ожидать чего угодно; олени и дикие козы часто становятся жертвами хищных зверей (волка, тигра или льва).

Мотив мировых сказочных сюжетных элементов о брачной связи человека с рептилией ярко запечатлен в карачаево-балкарских народных сказках «Жилин минчакъ» — «Талисман змеи» и «Солтан-Герий», «Жашчыкъ бла жилин» — «Мальчик и змея».

Сказки «Змеи и девушка», «Бедняк и змея» главным образом носят бытовой характер: хотя они и несколько разнятся по содержанию, в обоих текстах благодаря мудрости и совету рептилии, с одной стороны, собственной жестокости и коварству — с другой, люди завладевают золотом и становятся зажиточными.

В карачаево-балкарском фольклоре известен цикл текстов о лисе. Он представлен такими произведениями, как «Аман акъыллы тюлкюню адам къалай алдады» — «Как хитрую лису обманул человек», «Тюлкю бла тирменчи» — «Лиса и мельник», «Тюлкю бла Жандар» — «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла тюлкючюк» — «Мельник и лисичка», «Жарлы киши бла тюлкю» — «Бедняк и лиса», «Тюлкю хыйла» — «Хитрость лисы», «Чыгырчыкъ бла тюлкю» — «Чыгырчик и лиса», «Айыу бла тюлкю» — «Медведь и лиса», «Жилин бла тюлкю» — «Змея и лиса», «Жут, Бут, Къурт бла тюлкю» — «Жут, Бут, Курт и лиса», в которых вырисовывается отточенный веками образ рассматриваемого животного.

В текстах о лисе основную сюжетно-повествовательную группу составля-

ют произведения карачаево-балкарской сказочной прозы, посвященные хозяйственно-бытовой деятельности людей, что объясняется, очевидно, традиционным укладом их жизни. К ним относятся такие широко известные в народе произведения, как «Тюлкю бла тирменчи» — «Лиса и мельник», «Тюлкю бла Жандар» — «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла тюлкючюк» — «Мельник и лисичка», «Аман акъыллы тюлкюню адам къалай алдады» — «Как хитрую лису обманул человек», «Чыгырчыкъ бла тюлкю» — «Чыгырчик и лиса» и «Тюлкю хыйла» — «Хитрость лисы».

В карачаево-балкарском фольклоре существует также ряд сказок об овце и козе. Они в основном связаны с хозяйственно-бытовой деятельностью сельской общины. Это такие произведения сказочной прозы, как «Овца и коза», «Козленок и осленок», «Как коза обманула овцу», «Козленок» и т.д., в которых дается народное представление их образов, где овце традиционно отводится роль честного и послушного персонажа в животном мире, а коза, заботливая мать, не лишена лицемерия, лжи и коварства.

В определении жанра бытовой сказки, на наш взгляд, более удачно высказался В.П. Аникин: «Бытовизм действительно отличает эти сказки от волшебных. А их отличие от сказок о животных выражается в том, что в бытовых сказках по-другому изображаются обыденные явления. Рассказчики бытовых сказок не прибегают к иносказаниям, свойственным другим видам сказок. Есть и другое, более точное название бытовых сказок — новеллистическая сказка» [36, 167].

Отдавая должное суждениям выдающегося фольклориста, мы бы хотели высказать мнение, что определять бытовую сказку термином «новеллистическая» несколько сомнительно по ряду причин, в том числе и по ее жанровой модификации. Данный термин, широко употребляемый в западно-европейской фолькло-

ристике, перекочевал в труды исследователей русской народной сказки, а оттуда заимствован учеными-кавказоведами [4, 17; 6, 113-120].

Следует отметить, что новелла — жанр итальянской литературы XIV-XV вв. периода ренессанса и барокко, а в литературоведении существует мнение, что «... новелла типично острое, напряженное действие, драматизм сюжета, ибо личность сталкивается в ней с законами и нормами старого мира... Художественное своеобразие новеллы коренится в противоречивом сочетании картины прозаического, повседневного бытия и острых, необыкновенных, иногда даже фантастических событий и ситуаций, как бы изрывающих изнутри привычное, упорядоченное движение жизни» [41, 240].

Весьма интересные мысли высказывает относительно своего видения данной проблемы Ф. А. Алиева: «...в современной фольклористике нет специальной работы, в которой бы обоснованно освещался вопрос, можно ли считать новеллу самостоятельным жанром. Какова генетическая связь между сказочными жанрами, анекдотами и новеллой, какие признаки могут быть использованы при классификации конкретного материала по этим жанрам» [42, 420]. К сожалению, эти вопросы остаются в фольклористике нерешенными до настоящего времени, а потому, проведя по типам сюжетов внутрижанровую классификацию карачаево-балкарской бытовой сказки, мы не смогли найти устойчивые традиционные каноны, чтобы выделить их в качестве жанра новеллы.

Определяя доминантную функцию бытовых сказок, Э. В. Померанцева пишет: «Местом действия их чаще всего является русская, при этом крепостная, деревня. Герой их — деревенский бедняк, батрак или солдат, которому удается перехитрить глупого и жестокого барина, вздорную и капризную барыню, оста-

вить в дураках жадного, сластолюбивого попа. Среди этих сказок много анекдотов о лентяях, упрямых и болтливых женах, глупцах, попадающих впросак» [43, 41]. И далее она выделяет новеллистическую сказку наряду с волшебными, о животных и бытовыми в отдельный вид данного жанра [43, 42], что, конечно, весьма спорно с научной точки зрения.

На наш взгляд, искусственно вводить синоним жанру «бытовая сказка» и пользоваться термином «новеллистическая сказка», представляется странным, тем более, если учесть, что русские сказочники в своем репертуаре не пользовались им.

Конечно же, острые, приключенческие сюжетные элементы и мотивы значительно больше доминируют в бытовых сказках, чем в волшебных или о животных, не говоря о мифологических, богатырских и т.д. В данном случае, было бы целесообразнее выделить их как бытовые сказки новеллистического характера, поскольку они в основном посвящаются жизни сельской общины с ее причудами и юмором, где люди стараются обхитрить друг друга, нередко вступая в конфликтные отношения ради достижения поставленной цели.

Анализ около сотни сказок с бытовым уклоном содержания показал, что они нуждаются в тематической классификации. Это дало бы ясное представление о наличии в них определенных мотивов, создающих сюжетное ядро в рамках определенных видов произведений рассматриваемых текстов.

Вследствие проживания высоко в горах основной трудовой деятельностью народа долгое время оставалось скотоводство и связанный с ним разносторонний образ жизни: обработка шерсти и шкур домашних и диких животных, из которых затем изготавливали ковры, шубы, бурки, башлыки, чабуры, шили разную женскую и мужскую одежду. Существенную тягловую силу составляли

быки, лошади и ослы, которых сельская община широко использовала в своей хозяйственной деятельности: на них пахали землю, доставляли дрова и сено, возили при строительстве домов на бричках камни, песок, глину, воду и т.д. Все это не могло не повлиять на содержание народных сказок, в мотивах которых существенное внимание уделяется сельской бытовой жизни.

Множество сказок повествует о семье и семейных отношениях, очевидно, берущих начало из периода существования архаической, большой семьи, где значительное внимание отводится гендерному аспекту, любви и коварству в рамках семейной и сельской общины.

Нам представляются привнесенными из иноэтнических культур произведения, в которых повествуется о жизни, полной интриг в дворцах восточных султанов, ханов, шахов и т.д.

Системно-аналитическое исследование по внутрижанровой классификации имеющегося у нас материала, взятого в основном из архивного фонда КБИГИ, двухтомника «Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания» [44], различных изданий и личных авторских записей, вывело следующую разновидность сюжетно-повествовательных схем:

- 1) семейно-бытовые сказки (о женщинах, измене, коварстве и любви);
- 2) сказки о падишахах, султанах, князьях и баях;
- 3) сказки о мудрости, сообразительности и находчивости пастуха;
- 4) сказки о ведьмах — обурах, шайтанах, леших — Агач киши и т.д.;
- 5) юмористические сказки (куда входят и произведения о муллах, эфенди);
- 6) сказки на тему морали в быту, семье и общине;
- 7) сказки о предметном мире и о происхождении домашней пищи.

Семейно-бытовые сказки о женщинах, коварстве, любви, измене и неудачливых мужчинах в карачаево-балкарском

фольклоре представлены следующими произведениями: «Оразай», «Салима», «Бир жашны тели анасы» — «Ненормальная мать одного парня», «Мурат бла Абидат» — «Мурат и Абидат», «Зан улу Адилгерий», «Хариб бла Санам» — «Хариб и Санам», «Акъыллы къыз бла тели жаш» — «Умная девушка и неразумный парень», «Акъыллы келин бла жашчыкъла» — «Умная невестка и мальчишки», «Къарт киши бла къатын» — «Старик и старуха», «Уручуну суйген къызы» — «Любимая девушка вора», «Къарауаш къызчыкъ» — «Девочка-прислуга», «Харам ата» — «Недобрый отец».

Сказки о падишахах, султанах, князьях и баях включают такие произведения, как «Жаш бла патчах» — «Парень и царь», «Сокъур хан» — «Слепой хан», «Оюмсуз патчах» — «Неразумный царь», «Халал сомла» — «Праведные деньги», «Акъыллы къыз бла юч соруу» — «Мудрая девушка и три вопроса», «Ханны жашы бла жарлыны къызы» — «Сын хана и дочь бедняка», «Къарабий хан бла аны къызы» — «Хан Карабий и его дочь», «Табылгъан Саубар» — «Найденыш Саубар», «Залим ханны жашы» — «Сын хана Залима».

Мудрость, сообразительность и находчивость пастуха в народном сознании освещается в сказках «Жалчы бла бай» — «Слуга и богач», «Чомарт къойчу» — «Щедрый пастух», «Патчах бла бир байны жалчысы» — «Царь и холоп одного бая».

Сказками о ведьмах — обурах, леших — Агъач киши, шайтанах, нечистой силе являются произведения «Мараучу бла Агъач киши» — «Охотник и Лесной человек», «Бузоучу бла шайтан» — «Пастух телят и шайтан», «Хомух бла Агъач киши» — «Лентяй и леший».

Ленивый мальчик Кюльтыпыс был любимым персонажем малышей, который много ел, засыпал где придется. Пошлют его за водой — он спит у реки, в лес за дровами — засыпает под деревьями, принести траву для козы — его находят

спящим на лугу. Он может притвориться больным, если узнает, что его ждет какая-либо работа. Его излюбленное место — домашний очаг, где он больше всего любит засыпать, отсюда и имя его — Кюльтыпыс, что значит «Лежащий на Золе».

Карачаево-балкарские сатирические сказки базируются на сюжетах о Насреддине и аморальном поведении религиозных служителей, всегда оказывающихся в трагикомичной ситуации.

В группу юмористических и сатирических сказок можно отнести и произведения, извлеченные из архивных фондов КБИГИ и различных публикаций: «Сангырау элде» — «В селении глухих», «Аллай тере да болады» — «Бывает и такое случается», «Кесе бла жашчыкъ» — «Кесе и мальчик», «Эфенди бла жаш къатынчыкъ» — «Эфенди и молодая женщина», «Эфендини алдауу» — «Обман эфенди», «Барысы да акъсакъла» — «Все хромые».

Тема морали в быту, семье и общине освещается в таких произведениях, как «Ахшылыкъ унутулмайды» — «Добро не забывается», «Махмут бла Алакез» — «Махмут и Алакез», «Акъылгъа тюшюннген» — «Уразумевший», «Болжалчы келин» — «Сноха, которая все дела оставляла на потом», «Алтынлары тас этген къызгъанч» — «Скупой, потерявший золото», «Улутха» — «Взятка», «Уручуну жашы» — «Сын вора», «Залим», «Жарлыны айтханы чапыракъдан етмез» — «Слово бедняка не имеет веса», «Тузлу хичинле» — «Соленые хичины», «Бир абынган минг сюрюнюр» — «Однажды споткнувшийся тысячу раз пошатнется», «Атасыны жашына осуяты» — «Завещание отца сыну», «Тауукъ — айта билгеннге зауукъ» — «Курица — тому, кто умеет говорить, наслаждение», «Къартланы бурун къаядан къалай атхандыла» — «Как раньше стариков со скалы сбрасывали», «Жашы къарт атасын елю-

мден къалай къутхаргъанды» — «Как сын спас своего старого отца от смерти», о которых в своей статье высказал интересные суждения д.ф.н., фольклорист Б. А. Берберов [18].

Сказки, описывающие предметный мир и происхождении домашней пищи, вобравшие в себя мотивы ряда жанров фольклорной прозы, представлены в следующих текстах: «Гокка ханс» — «Цветок», «Гыпы» — «Молочный грибок», «Айран», «Кийиз» — «Ковер», «Къазан» — «Котел», «Акъ ат» — «Белый конь», «Нарат» — «Сосна», «Тарпан атла» — «Лошади-тарпаны».

Следует здесь упомянуть и о наличии в устной словесности карачаево-балкарцев сказок-загадок («Кто больше?», «Кто сильнее?») и сказок притчевого характера, повествующих о роли и значении в жизни человека таких категорий, как ум, счастье, богатство, о соревновании различных стихий и т.п. («Намыс», «Счастье, ум и богатство», «Огонь и вода») [27, 62].

Таким образом, изучение карачаево-балкарских сказок и их классификация дали ясную картину об их жанрово-тематическом богатстве и сюжетно-повествовательных особенностях. Можно констатировать, что произведения данного жанра, представляя собой сложные сюжетно-образные повествования, вобрали в себя множество интересных мотивов из словесной культуры различных родственных и неродственных народов, преобразованных в соответствии с национальным менталитетом и нашедших себе достойное место в фольклоре данного этноса. Тем не менее, не следует считать наши суждения окончательными, поскольку вопрос о внутрижанровой модификации народных сказок до настоящего времени в фольклористике остается до некоторой степени спорным, а порой и противоречивым.

1. Алиева А. И. История записи и публикации фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX века // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 5-32.
2. Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. 1903. Вып. VI. С. 249-334.
3. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
4. Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.
5. Холаев А. З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981. С. 13-31.
6. Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ, 2010. 128 с.
7. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник КБИГИ. 2014. № 4 (23). С. 99-116.
8. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарские народные сказки и легенды в записи Е. З. Баранова. Особенности жанра и повествовательных элементов // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 2 (64). С. 223-228.
9. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарское сказковедение в XX — начале XXI века // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 5 (67). С. 199-206.
10. Малкондуев Х. Х. О композиции карачаево-балкарской волшебной сказки «Жарыкбий» // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 6 (68). С. 185-191.
11. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об Овце и Козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник КБИГИ. 2015. № 3. С. 81-91.
12. Малкондуев Х. Х. Волшебная сказка «Сын Ындырбая Махамет» и ее варианты // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015. С. 206-211.
13. Малкондуев Х. Х., Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Мотивы и образы карачаево-балкарских волшебных сказок. Локальный аспект // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 3. С. 183-188.
14. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская мифологическая сказка. Сюжет и композиция // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 2. С. 146-158.
15. Малкондуев Х. Х. Внутрижанровые особенности карачаево-балкарской бытовой сказки // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 3. С. 173-179.
16. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская героическая сказка «Таурух». Композиция // Вестник АН Чеченской Республики. 2016. № 3 (32). С. 122-124.
17. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка «Птица с золотыми перьями». Мотив. Композиция // Известия КБНЦ РАН. 2016. №4 (72). С. 130-133.
18. Берберов Б. А. Почему стариков не стали изгонять (сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015. С. 212-218.
19. Берберов Б. А. Архетипический образ медведя в карачаево-балкарской народной сказке // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 28-37.

20. Берберов Б. А. Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28) С. 84-87.
21. Берберов Б. А. Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31) С. 95-98.
22. Берберов Б. А. Культ разума в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник Калмыцкого ИГИ РАН. 2016. № 1 (23). С. 250-256.
23. Берберов Б. А. Альтруизм как полиэтническое явление в карачаево-балкарской народной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6 (72). Ч. 2. С. 15-17.
24. Берберов Б. А. Воспитательный потенциал карачаево-балкарской бытовой сказки // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели». Нальчик, 2017. С. 204-206.
25. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015. С. 226-230.
26. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. К вопросу определения жанровых границ // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 95-98.
27. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарская народная сказка // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 58-65.
28. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарское сказковедение: современное состояние и перспективы // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 118-121.
29. Гергокова Л. С. Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1 (63). С. 252-256.
30. Гергокова Л. С. Некоторые стилистические особенности употребления антонимов в карачаево-балкарских сказках о животных // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 6-1 (68). С. 174-178.
31. Гергокова Л. С. Формы выражения пространства и времени в карачаево-балкарских сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60). С. 95-97.
32. Гергокова Л. С. Особенности функционирования эпитетов в карачаево-балкарских сказках о животных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 16-18.
33. Гергокова Л. С. Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 122-125.
34. Гергокова Л. С. Карачаево-балкарские сказки о животных: система образов, сюжетная типология // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 51-57.
35. Кербелите Б. П. Сюжетный тип волшебной сказки // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 203-250.
36. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
37. Тхамокова Ж. Г. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне — Томпсона // Адыгэ таурыхъэр (Адыгские сказки)/Сост. Ж. Г. Тхамокова. Нальчик, 2005. Т. I. С. 775-820.
38. Золотая рыба. Индийская сказка // Сказки народов Азии. М., 1988. Т. III. С. 498-502.
39. Бухуров М. Ф. Адыгская богатырская сказка. Нальчик, 2015.

40. Ганиева А. М. Волшебные сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 369-385.
41. Словарь литературоведческих терминов/Сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974.
42. Алиева Ф. А. Бытовые сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 385-432.
43. Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977.
44. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах/Сост., предисл. Т. М. Хаджиевой. Нальчик, 1999. Т. 1; 2003. Т. 2.